

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Вопросы истории,
международных отношений
и
документоведения

Выпуск 7

Сборник материалов
Российской молодежной
научной конференции

Издательство Томского университета

2011

убивают весь процесс обучения, превращая его в изучение типовых экзаменационных заданий прошлых лет. И такое «натаскивание» на ЕГЭ имеет негативный эффект.

Учебные тесты упрощают задачу, стоящую перед учеником. Вместо того чтобы самостоятельно найти нужный ответ, воспроизвести в памяти учебный материал или составить рассказ, в котором даётся полный и исчерпывающий ответ на поставленный вопрос, от ученика требуется лишь выбрать правильный ответ из числа предложенных ему готовых вариантов. Автоматически отпадает надобность в каких-либо других методах обучения, так как у преподавателя физически нет времени и возможности уместить все в один урок.

Таким образом, следует признать, что тесты не в состоянии охватить все стороны учета успеваемости. Только наряду с другими формами обучения, в том числе игровыми, можно с успехом использовать тестовые виды деятельности. Но и на этом пути возникают свои проблемы.

В современных российских школах сейчас ситуация такова, что в них работают учителя, несомненно достойные, но, как говорится, «старой закалки». В их методе обучения в основном лежат старые, прежде всего неигровые, репродуктивные технологии, а обучаться чему-то новому не каждый решится, так как возраст у них уже достаточно большой. Да и чисто психологически учителя «в возрасте» не расположены к игровым формам обучения. Отсутствие молодых специалистов, которые смогли бы оживить учебный процесс, широко развивать игровые формы обучения приводит к эмоциональному и методическому обеднению учебного процесса.

Кроме того, следует отметить, что преподаватели пренебрегают игровой формой проведения уроков из-за того, что они боятся самой игры, особенно ее последствий. Ведь игра имеет очень непредсказуемый характер, шаг влево, вправо – и учитель может легко потерять нить ведения урока, потерять управление самим образовательным процессом.

Решение описанных проблем нам видятся в двух плоскостях. С одной стороны, необходимо вести дальнейшую разработку и внедрение игровых технологий в практику современной школы, с другой стороны, необходимо вести широкую работу по привлечению в школу молодых специалистов, способных реализовывать в своей деятельности традиционные и новые игровые формы обучения.

Литература

1. *Выготский Л.С.* Игра и её роль в психологическом развитии ребенка // Вопросы психологии. 1966. № 6.
2. *Игра* учащихся как педагогический феномен культуры [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://charko.narod.ru/text/an4/1.html>, свободный (дата обращения 08.10.2010).
3. *Хейзинга Й.* В тени завтрашнего дня. М., 1992.
4. *Игровые* практики в политическом процессе [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.Dibase.ru>, свободный (дата обращения 04.03.2011).

И.А. Дунбинский

ТОМСКОЕ СТУДЕНЧЕСТВО В 1920-е гг.

Рассматривается социальный состав студентов Томского государственного университета в 1920-е гг., характеризуются изменения, происходившие в материально-бытовом положении студентов.

Ключевые слова: *студенты, университет, материально-бытовое положение, Томск.*

В июле 1923 г. в Томск из далекой Новой Зеландии пришло письмо Боуарда Мэки, студента, секретаря местного отделения организации помощи студентам. В нем сообщалось, что с целью помочь студентам-сибирякам, оказавшимся в трудном материальном положении, они собрали 2000 фунтов стерлингов деньгами и на 400 фунтов закупили одежды. Автор письма интересовался, получил ли Томский университет эти вещи, и сообщил о намерении новозеландских студентов оказывать помощь и дальше.

«Я был бы счастлив, – писал Б. Мэки, – если бы вы послали фотографию вашего университета и города. Пожалуйста, не медлите с ответом... Вы имеете большое количество студентов в Новой Зеландии, которые симпатизируют вам, восхищаются вашей стойкой борьбой с голодом и болезнями, и мы надеемся, что в 1923 г. увидим условия жизни в вашей стране много лучше, чем они были. Примите мои глубочайшие симпатии от новозеландских студентов, и прошу считать нас вашими друзьями и сотоварищами, которые счастливы тем, что в состоянии помочь вам» [1. 1923. 20. июня].

Что собой представляло томское студенчество в начале 1920-х гг., и каким было его материально-бытовое положение? Проследим это на примере Томского государственного университета.

После восстановления советской власти в Томске, в конце 1919 г., был закрыт юридический факультет. В 1920 г. был организован факультет общественных наук (ФОН), в составе которого было правовое отделение. В ТГУ имелись также медицинский, физико-математический и историко-филологический факультеты. Последний в 1921 г. вошел в ФОН в качестве этнолого-лингвистического отделения. ФОН просуществовал до лета 1922 г. Общая численность студентов к концу 1920 г. составила 4910 человек [2. С. 119, 140].

Существенным моментом в политике Советского государства в области высшего образования стала пролетаризация высшей школы. Вводился классовый принцип при приеме в вузы. Выходцам из рабочих и крестьян отдавалось предпочтение. С лета 1920 г. практиковалось направление в вузы по партийным, профсоюзным и комсомольским путевкам.

В мае 1920 г. при университете был открыт рабфак (рабочий факультет). Он служил ядром, вокруг которого сплачивалась пролетарская молодежь, был ее духовным центром и ставил задачей повысить базовый уровень рабоче-крестьянской молодежи, чтобы она смогла овладеть знаниями в вузе.

Но появление большого числа студентов, в своей массе неподготовленной к обучению в вузе, не замедлило сказаться на качестве образования. В 1925/26 уч. г. порядок приема был существенно изменен. Он стал осуществляться уже без направлений, а путем подачи заявлений в приемные комиссии. Однако преимущество при зачислении по-прежнему отдавалось детям рабочих и крестьян и отчасти советских служащих.

Каким было материальное положение тогдашних студентов? После Гражданской войны в стране царил разуха, расстроилась финансовая система, а инфляция превысила разумные пределы. В начале 1921/22 уч. г. «студенчество переживало значительные затруднения материального характера... было прекращено социальное обеспечение студентов, вопрос о вводимых государственных стипендиях, количестве, размере и способе распределения их выяснялся: ...будущее обрисовывалось в мрачных красках, и даже создалась некоторая паника, что вызвало весьма заметный отъезд студенчества из Томска к себе на родину» [3. Д. 143. Л. 113–114].

В Ново-Николаевск (ныне Новосибирск) была направлена делегация во главе с ректором Б.Л. Богаевским. Уполномоченный Наркомпроса РСФСР по Сибири К.Д. Чудинов пообещал, что «учащиеся будут переведены на стипендии и, кроме того, им рекомендуется устраивать себя путем организации кооперативного объединения» [4. Д. 126. Л. 14].

Университету, в свою очередь, рекомендовалось «ходатайствовать об учреждении различными государственными управлениями... стипендий для студентов» и «развить производственную деятельность университета» [4. Д. 126. Л. 14 об.]. Было также дано указание выдать за декабрь 1921 г. 1020 продовольственных пайков, в том числе 420 для преподавателей технологического института и госуниверситета и 600 пайков для студентов рабфака, студентов, рабочих и служащих этих томских вузов [4. Д. 126. Л. 14–16]. Для томских вузов было отпущено также 3 тыс. аршин мануфактуры.

Однако это существенно не улучшило положение. Как отмечалось в годовом отчете ТГУ за 1924/25 учебный год, «в основной массе студентов Томского университета материальной базой для их существования являлись госстипендии в числе 407 на 1665 человек студентов. Студент-стипендиат в относительной массе является счастливецом. Процент студентов, имеющих достаточную поддержку, для того чтобы нормально заниматься, от родителей и родственников, крайне невелик. Большая часть студенчества не стипендиатов получают от родственников чрезвычайно мизерную поддержку и вынуждены владеть полуголодное существование» [4. Д. 282. Л. 71].

Часть студентов вынуждена была бросить учебу. В 1922 г. после зимних каникул из 300 студентов рабфака не вернулось в Томск около 70 человек [5. 1922. 23 мая].

С целью улучшения материального положения студентов стали создаваться общественные организации, так называемые комиссии по социальному обеспечению студентов (комсобезы). Они, в частности, занимались распределением продпайков. Если 19 июля 1920 г. их получил 171 человек, то 5 августа уже 2232 человека [1. 1921. 3 апр.].

Ситуация стала меняться после перехода страны на рельсы нэпа Комсобезы были упразднены. Было принято решение перевести учащихся вузов вновь на государственные стипендии.

Однако денег не хватало, стипендии от 15 до 18 руб. платили нерегулярно и не всем студентам. Их получали в первую очередь дети рабочих и крестьян. Если в 1921 г. их получали 2200 человек, то в 1922 г. – 866, а в 1923 г. всего 338 [5. 1923. 17 окт.].

В газете «Знамя революции» можно найти описание того, как питались в начале 1920-х гг. томские студенты. В статье «Голодающее студенчество» отмечалось, что почти 80% студенчества находилось «в самом злейшем периоде хронического голодания». «Вот группа студентов-технологов, – писала газета. Обедают они в неделю раз, максимум – два. Этот «обед» составляет жареный на прогорком дешевом масле картофель. Все остальное время еда этих студентов состоит из кипятка и черного хлеба. Другой ряд студентов университетов. Они обедов совсем не видят. Все время ежедневно «едят» кипяток с черным хлебом вприкуску. На заданный вопрос, как живете, эта группа с неподдельным юмором и хором отвечала: «интересное житье вот – хлебушко не дорожал, а то учиться можно» [5. 1923. 13 окт.].

Получали студенты поддержку и от комитета Европейской помощи студентам им. Ф. Нансена. На средства этого комитета была открыта столовая. Газета «Красное знамя» писала: «Обедают около 600 человек [в день]. Выдается 2 фунта черного хлеба, миска болтушки, громко именуемой щами, и каша из пшена. О качестве всех этих продуктов очень много и веско рассказывал бы саннадзор, если бы удосужился узнать, что потребляют студенты. Мясо и жиры в этой столовой из обихода изгнаны совершенно» [5. 1924. 18 окт.].

Чтобы уменьшить число нуждающихся среди студентов, была резко сокращена их численность. К середине 1920-х гг. в ТГУ их было 1650, а в конце уже 1326. Это объяснялось не только закрытием ФОНа, но и последовавшей в 1924 г. по указанию ЦК РКП(б) чистки состава студентов. «Проверочные комиссии» занимались как «академической чисткой», так и проверкой лиц непролетарского происхождения [6. Д. 96, Л. 158].

Самим студентам было предложено «устраивать себя путем организации кооперативного движения» [5. 1920. 2 окт.]. Создавались артели грузчиков, сапожников, переплетчиков и т. д. Одной из форм заработка были платные концерты художественной самодеятельности. В 1922 г., например, было организовано кооперативное товарищество студентов-оркестрантов, насчитывавшее 22 человека [5. 1922. 30 сент.].

Улучшением материального положения студентов занимались и землячества. Члены землячеств, например, могли рассчитывать на льготные покупки, а в случае необходимости на бесплатную отправку их на родину [5. 1926. 12 окт.].

Открывались и студенческие столовые, где обеды отпускались по сниженным ценам, практиковалась выдача продовольственных пайков. В 1925 г. была существенно понижена плата за общежитие. Кроме одного каменного 3-хэтажного здания (ныне 3-й учебный корпус), построенного еще к открытию университета и занятого в 1920 г. под общежитие рабфака, общежитий у ТГУ не имелось. Университет приспособил под них 5 арендованных деревянных домов в городе [4. Д. 282. Л. 5].

Большую помощь студентам оказывала общественность Томска. Так, с 24 по 31 ноября 1924 г. была организована «Неделя помощи пролетарскому студенчеству». Для населения прочитано 65 платных докладов, проведено 77 собраний, вечеров и лекций. Было организовано Общество помощи пролетарскому студенчеству, насчитывавшее до 3000 человек и 26 организаций. В банк, на текущий счет Общества помощи, было внесено 1500 руб. [5. 1924. 18 дек.].

К концу февраля 1925 г. эта общественная организация имела более 60 филиалов в городе, на ее банковском счету было уже порядка 4000 руб. [5. 1925. 24 февр.]. Как сообщала газета «Красное знамя», в пользу пролетарского студенчества, помимо сбора с вечеров, было передано 14 облигаций волостного выигрышного займа 5-тирублевого достоинства, 3 хлебных облигации в 1,5 и 10 пудов ржи. От Ленинского рудника в Кузбассе поступило 130 червонных рублей и 12 5-рублевых облигаций выигрышного займа, из Ново-Николаевска поступило 1850 червонных рублей, из села Красного 148 рублей 53 коп.» [5. 1924. 26 янв.].

Таким образом, все эти меры были направлены на улучшение материального положения студенчества, из которого в дальнейшем формировалась советская интеллигенция.

Литература

1. *Знамя революции* (Томск).
2. *Томский университет. 1880–1980*. Томск, 1980.
3. *Государственный архив Новосибирской области*. Ф. Р-1053. Оп. 1.
4. *Государственный архив Томской области*. Ф. Р-815. Оп. 1.
5. *Красное знамя* (Томск).
6. *Центр документации новейшей истории Томской области*. Ф.Р-1. Оп.1.

Е.Г. Исакова

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ МУЖСКИХ ГИМНАЗИЙ ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО УЧЕБНОГО ОКРУГА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Рассматриваются образовательные учреждения, готовившие учителей средней школы.

Ключевые слова: *учителя, гимназии, образование.*

В дореволюционной России для занятия большинства должностей существовал соответствующий образовательный ценз. В этом ряду учительская профессия не являлась исключением. В соответствии с требованием закона учителя наук и языков гимназий обязаны были окончить университет и выдержать испытание на звание учителя гимназии по предмету [1. С. 142].

Сеть профессиональных учебных заведений по подготовке преподавателей средних школ во второй половине XIX–начале XX в. была довольно скудной. Учителями классических гимназий становились главным образом выпускники историко-филологических и физико-математических факультетов университетов. К примеру, в 1889 г. из 47 преподавателей западносибирских мужских гимназий 30 имели университетское образование [2]. Однако в учебных планах университетов отсутствовали предметы психолого-педагогической направленности, и педагогические навыки студенты могли получить лишь на факультативных курсах.

Кроме диплома об окончании учебного заведения, от вступающего на преподавательскую стезю требовалось свидетельство о прохождении испытаний на звание учителя гимназии по предмету. Испытания проводились на физико-математических и историко-филологических факультетах университетов в